

Г. А. Цветкова
(к. к., доц. ПСТГУ)

«ФАРИСЕИ» И «МЫТАРИ» НА СЛУЖБЕ У СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ КАК ЛИЧНОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА

Вторая половина 1920-х гг. — тяжелые времена для жизни людей в Советском государстве во всех отношениях. Нехватка продовольствия, нехватка рабочих мест, биржа труда переполнена, пособия по безработице ограничены. Трудно было выживать и творческому сословию, особенно той его части, которая оказывалась подозрительна для новой власти с классовой точки зрения. Возможно, именно поэтому в то время в одну из «светлых» голов руководства Драмсоюза¹, призванного защищать интересы (в том числе социальные) «трудящихся на ниве искусства», пришла мысль об использовании нового источника материальной поддержки своих членов, причем источника, по понятиям того времени, весьма надежного. Было придумано начать сбор авторского гонорара с церквей! И идея эта была успешно реализована.

С 1925 г., отмеченного поворотом политики государства в сторону укрепления советской культуры, начинает набирать скорость курс на закрытие церквей, который не был оформлен специальными постановлениями правительства, но громогласно провозглашен идейно. Эта стратегия отчетливо просматривается по тем мероприятиям и решениям по общим и частным вопросам, которые, по сути, чинили препоны для религиозной жизни, делали невозможным нормальное совершение богослужения, создавали невыносимые условия для жизни священнослужителей. Многие из того, что было законодательно зафиксировано в 1918 г. декретом СНК от 23 января об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, с 1925 г. начинает пересматриваться в сторону еще большего ограничения прав Церкви². Но публично власть продолжает утверждать свободу граждан в деле религиозной веры, законное право Церкви на существование.

Эта политическая игра в определенном смысле делала реализацию программы по разрушению Церкви во многом зависящей от людей, действовавших на местах, выбиравших формы, методы, средства ее осуществления. Политическая двусмысленность создавала ситуацию выбора для каждого конкретного участника событий: участвовать или не участвовать в гонениях. В особенности это чувствовалось на уровне частной жизни.

Представленный здесь факт реконструирован на основе архивных материалов: служебной переписки Драмсоюза³ с различными организациями по поводу сбора авторского гонорара с церквей. Переписка состоялась в июле 1929 г. — феврале 1930 г., в ней обсуждаются события, которые происходили с конца 1924 до начала 1930-х гг. Эти события были периферийными на фоне масштабов революционного переустройства того времени, но затронули практически всю страну, поскольку имели отношение к Церкви, нанеся верующим немалый материальный и невосполнимый моральный ущерб.

Главными действующими лицами развернувшихся событий были руководители Драмсоюза, отстаивавшие свои узкоцеховые интересы и не особенно разборчивые в средствах, церковно-приходские советы (ЦПС), защищавшие свои церкви, а также чиновники Наркомпроса (НКП) и деятели Союза воинствующих безбожников (СВБ), представлявшие власть. Конкретная проблема, решение которой лежало в основе событий, состояла в доказательстве законности сбора авторского гонорара с церквей и определении круга лиц, с которых он должен взыскиваться. В процессе решения ее раскрывалось, как советская власть с помощью своей идеологии, формируя мотивацию социального поведения людей, сама обретала конкретные формы

¹ Драмсоюз (Ленинградское общество драматических и музыкальных писателей, возникшее не позднее 1910 г.) — творческий союз, объединявший писателей и композиторов. После революции он состоял в ведении Главискусства Наркомпроса РСФСР. Представители его (агенты) собирали авторский гонорар за публичное исполнение произведений писателей и композиторов, членов Драмсоюза. В составе его была церковная секция.

² Видимо, власть к этому времени осознала Церковь не просто в качестве серьезного конкурента в обладании духовным миром людей, но и в качестве института, контролирующего те сферы жизни людей, которые мало доступны власти: глубокая укорененность Церкви в повседневной жизни людей, обладание Церковью реальной связью с людьми. Церковный приход и при советской власти продолжал аккумулировать мирскую жизнь православных. Этим можно объяснить введение запрета на создание касс взаимопомощи, оказание материальной поддержки своим членам, производственные объединения. Запрещалось организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. Церковному приходу предписывалось «не допускать преподавания» и служить «вообще для иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей» (см.: Гидулянов П. В. Отделение Церкви от государства. М., 1929. С. 4).

³ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398.

своего функционирования в зависимости от личностных качеств востребованных ею исполнителей, использовавших ее в своих частных интересах.

Это явление выражалось в противоречивости и непоследовательности поведения власти. Во-первых, рассмотрение возникшей юридической проблемы происходило в сфере не подходящих по статусу учреждений НКП и СВБ и не могло служить подтверждением легитимности сбора. Во-вторых, декларации властных организаций в защиту прав Церкви сопровождались решением всех споров ЦПС с Драмсоюзом всегда в пользу последнего. И в третьих, публичные заявления власти характеризовались демонстративным отмежеванием от сборщиков гонорара. Вся эта дисгармония отношений по этому делу создавала впечатление, что цель, ради которой объединялись усилия, была не достижима законными средствами. Официально страсти кипели вокруг «сбора авторского гонорара за исполнение в церквях хоровых произведений» для выплаты композиторам, членам Драмсоюза. Но не ради композиторов усердствовали советские чиновники и руководители Драмсоюза. У них были свои цели.

В контексте советской идеологии и репрессивной политики государства идея сбора авторского гонорара с церковью оказывалась более чем практична: предъявлять претензии Церкви можно было безнаказанно, и даже можно было рассчитывать на поддержку власти, которая «душила» Церковь, в том числе налогами.

Сбор авторского гонорара за исполнение в церквях «хоровых произведений» ведет начало с 1925 г., когда НКП РСФСР «в развитие установленных 02.02.1924 г. общих основных ставок авторского гонорара», которым государство обложило публичное исполнение произведений членов Драмсоюза⁴, «признал необходимым и закономерным» распространить эти ставки особым разъяснением от 23.10.1924 г. и на церкви⁵.

Было установлено, что церкви обязаны оплачивать исполнение «музыкальных и вокальных произведений композиторов» авторским гонораром в размере 5% с заработка исполнителей, т. е. церковного хора, или, как значилось в инструкции, «работников искусств, участвующих в художественной части предприятия»⁶ (т. е. богослужения). В случае же, если хор пел бесплатно или пели псаломщик, диакон и священник, то платы совсем не взимать. Не облагались сбором произведения Чайковского, Бортнянского, Львова. Гонорар считался заработной платой членов Драмсоюза. Его собирали агенты Драмсоюза, которые получали процент от собранной суммы. Взыскивался этот гонорар с церковно-приходских советов (ЦПС).

Первой реакцией на введение сбора авторского гонорара с церковью было недоумение и недоверие. Общий смысл его выразили на одном из приходов: «В церквях исполняются только песнопения Иисуса Христа, а Он не был членом Драмсоюза». А агенты Драмсоюза жаловались, что судьи не принимали иски к ЦПСам, признавая их незаконными. А один судья даже заявил: «Вы будете скоро взыскивать, если и курица запоет».

С самого начала возникло противостояние между сборщиками гонорара и плательщиками — церковными приходами. Приходы искали правды в официальных органах: в первую очередь обращались в суды, в госучреждения, в печать с требованием обоснования законности сбора: «Мы спрашиваем власть: действительно ли есть такой закон, что нужно отчислять процент авторам из церквей?»⁷. Но и сборщики утверждали его законность.

Правовая основа сбора вызывала разночтения, тем более и практика содержала много нюансов, которые давали основания для истолкования закона сообразно субъективным представлениям о норме. Но главное — сбор авторского гонорара с церковью представлялся абсурдом с точки зрения здравого смысла. Поэтому толкование шло в плане не столько права, сколько нравственности.

Церкви не отказывались платить, но просили только очертить приемлемые границы сбора, с учетом возможностей конкретных приходов. Драмсоюз же учитывал только свои интересы и, жалуясь, что приходы «бuzят», затягивают выплаты, добивался все новых разъяснений со стороны различных госорганов, Наркомюста, НКП и новых решений в свою пользу. Утверждалось, что «никакой разницы между программой любого зрелища и программой церковного богослужения с советской точки зрения нет»⁸, что «наемный причт ничем не отличен от наемных работников искусств»⁹. Аргументы церквей о том, что в сельских храмах неграмотные священники не знают, «кого» поют, да и не поют вовсе, что поют любительские неоплачиваемые хоры,

⁴ Членами Драмсоюза были, в частности: Александров А. В., Астафьев А. Н., Гречанинов А. Т., Ипполитов-Иванов М. М., Мясников Ф. В., Чесноков П. Г., Рютов Г. И., Никольский А. В., Сахновский Ю. С., Шведов К. и др.

⁵ При обосновании законности этого сбора назывались: ст. 5 постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. и ст. 9 постановления ЦИК и СНК СССР от 15 мая 1928 г., постановление НКП РСФСР от 2 февраля и 23 октября 1924 (см.: РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 2–3).

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Чудак. № 46. Ноябрь, 1929. С. 10.

⁸ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 97.

⁹ Там же. Л. 9.

«кликуши и девушки с села, поющие в подголосок дьячкам», — все это Драмсоюз рассматривал исключительно как способ уклонения от уплаты и предъявлял «доказательства» своей правоты. Драмсоюз утверждал на основании проведенного им «специального обследования», «что в большинстве церквей, и во всяком случае там, где нет постоянного профессионального хора, обязанности запевалы, или регента, исполняют и священники, и диаконы, и псаломщики, приносящие с собой в мало знакомые с церковной музыкой села городские гармонизации обиходных, знаменных и др. напевов»¹⁰. В результате была существенно изменена практика сбора. Теперь он был утвержден с общей суммы вознаграждения (во всех видах), получаемого всеми лицами, участвующими «в художественной части богословского мероприятия» (так официально стали называть пение в храме), т. е. сбор с хора был распространен и на священника, диакона, псаломщика и др.

Встал также вопрос об авторах: исполнявшиеся произведения могли принадлежать умершим авторам, а не только живым членам Драмсоюза. И здесь Драмсоюз не уступил ЦПСам ни одного имени, а напротив, приобрел право собирать и за тех композиторов, произведения которых вначале были освобождены от сбора. Драмсоюз монополизировал право собирать и распределять гонорар, взыскивая его за исполнение произведений всех композиторов: живых, умерших и национализированных¹¹.

Драмсоюз пытался добыть формализованные доказательства обоснованности сбора с помощью анкетного опроса. Он развернул работу по выявлению «программы исполнения», «картины потребления музыкальных произведений»¹². Но полученная картина видно была не очень подходящей для сбора, поэтому независимо от нее было установлено, что если исполняется в «программах хоровых номеров» хотя бы одно «защищаемое законом» произведение, то авторский гонорар взимался полностью. Действуя таким образом, Драмсоюз практически присвоил себе право собирать «вообще за пение в церкви чего бы то ни было при богослужении».

На пути к получению гонорара Драмсоюзом преодолевались практически все препятствия, привлекались самые невероятные средства. Так, нельзя было определить, с какой суммы брать сбор за «исполнение» священником или диаконом, «когда они лично не участвуют в хоре, а только произносят возгласы или ектеньи при совершении богослужения и при исправлении треб для прихожан»¹³. Тогда придумано было «получать справки Финорганов о сельхозналоге, оплачиваемом членами причта»¹⁴, в размере квартирного пособия священника, и из этого расчета взыскивать пятипроцентный гонорар.

В результате сбор возрос с 280 тыс. до 500 тыс. руб. в год, до нескольких сотен увеличилось количество агентов, получавших, между прочим, 20% от собранной суммы.

К началу 1930 г. Драмсоюз так укрепил свои позиции, что было придумано осуществлять сбор задним числом: на основании требования сведений о вознаграждении сразу за три года (1927–1930)¹⁵. Агенты напирали на ЦПС с такой силой, что на местах его приняли за новый налог, и раздраженным запросами госорганам пришлось выступать с опровержением.

Для ЦПС это была не просто свара из-за денег, это была схватка за сохранение своих церквей. Приходы бесстрашно отстаивали свои церкви, используя все официальные возможности¹⁶, требуя законного сбора.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 8.

¹¹ В число композиторов, произведения которых были национализированы, входили: Аренский, Римский-Корсаков, Чайковский, Смоленский, Бородин, Мусоргский, Рубинштейн, Бортнянский, Турчанинов, Ведель, Ломакин, Львов. В письме от 02.02.1927 НК юстиции НКП разъяснялось: «Произведения, по которым истек срок авторского права, могут быть объявлены достоянием государства без соответствующей уплаты автору или его правопреемникам какого-либо вознаграждения... Но на государство не возложена обязанность разрешать во всех без исключения случаях исполнение драматических произведений без взыскания какого-либо вознаграждения, т. к. сущность национализации драматического произведения в том и состоит, что государство вправе экономически регулировать по своему усмотрению исполнение таких произведений: в тех случаях, когда государство преследует цель возможно широкого и дешевого распространения данного произведения, государство не будет требовать какой-либо уплаты вознаграждения за публичное исполнение, наоборот, в тех случаях, когда драматическое произведение, не запрещенное к исполнению и имеющее успех, является идеологически не вполне выдержанным, государство не лишено права получать доход от исполнения такого произведения» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 1).

¹² Драмсоюз докладывал НКП: «В целях установления наиболее правильного и по возможности точного распределения Драмсоюз в 1926–1927 и 1928 гг. предпринял широкое обследование репертуара в виде нескольких тысяч анкетных (опросных) листов, заполненных разного масштаба церквями» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 8).

¹³ Чудак. № 46. Ноябрь, 1929. С. 10.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 150.

¹⁵ Сначала была сделана попытка взыскать с ЦПСов задним числом за период с 01.11.1924 по 01.01.1930 гг., т. е. за пять лет, но у Драмсоюза это не прошло. Ему указал на незаконность этого требования Наркомост. Взыскание гонорара за три года вызвало всплеск судебных исков по задолженностям. Агенты Драмсоюза возбуждали дела против ЦПСов на различные суммы: 150 р., 233 р., 285 р. и т. д. Приходы жаловались, что имеют «кружечный сбор» и что по большим праздникам они собирают не более 2 рублей.

¹⁶ Обращались даже в журнал «Безбожник».

Прежде всего церкви апеллировали к закону от 30.01.1925 г., где была прописана льгота (освобождение от выплаты авторского гонорара) в отношении клубов и, между прочим, было положение о том, что эта льгота распространяется также и на «другие места, в коих не взимается плата с посетителей»¹⁷. По формальному признаку это вполне могло быть распространено и на церкви, ведь за вход в церковь платы нет. Но в том-то и дело, что толкователи закона руководствовались не формальным, а иным критерием. Наркомпросу как вышестоящей по отношению к Драмсоюзу организации пришлось изворачиваться. НКП обратился в Наркомюст, который разъяснил, что церковь не может быть отнесена к числу «других мест», в коих публичное исполнение не составляет авторского права, и освобождается от уплаты авторского гонорара.

Начались судебные процессы. Иски ЦПСам предъявляли агенты Драмсоюза¹⁸. Нередкими были случаи, когда, как формулировал один из агентов, «судья и прокурор не нашли нужным оказать содействие и не приняли иск агентов Драмсоюза»¹⁹. Примечательно, что в этой формулировке агентом выражено специфическое понимание исполнения закона, которое формировалось советским идейно-политическим режимом. «Действовать согласно закону» означало содействовать власти. Существовало понимание, что взыскание авторского гонорара с церковей — угодное власти дело не от законности его, а от идеологической установки.

При этом и власть, и население относились к Драмсоюзу с глубоким презрением.

Население наблюдало действия «усердных» агентов на местах, когда они являлись в храм во время богослужения. Руководству Драмсоюза даже пришлось одергивать некоторых, но не ради приличия, а ради сохранения доходов: «наблюдающийся за последнее время рост поступлений авторского гонорара с церковей обязывает нас иметь особенно тщательное наблюдение за порядком и способом и методами взыскания. Чрезмерное усердие, вызванное желанием агента и показать себя перед агентурным отделом, и заработать²⁰ на этом виде гонорара, может иногда повлечь за собой совершенно нежелательное впечатление среди населения»²¹. Руководители Драмсоюза сами констатировали, что сложилось «представление о Драмсоюзе и его агентах как о вымогателях, пользующихся всяким случаем, чтобы урвать чужую копейку»²².

Для советской власти Драмсоюз был сомнительным элементом в деле строительства советской культуры, связанный с дореволюционными традициями. Кроме того, «организации советских драматургов и композиторов негоже якшаться с попами и подрывать, таким образом, свой политический авторитет»²³. Поворот в политике советской власти в области культуры определил статус Драмсоюза как идеологически несоответствующего. Кроме того, положение усугубилось публикацией на него компромата. Журнал «Чудак», реагируя на письмо ЦПС в редакцию, в статье «Церкачи»²⁴ огласил факты о «грязных деньгах», «проливая свет на некоторые статьи дохода организации, именуемой Драмсоюзом». Но авторов возмущали не способы добывания средств, на что, собственно, жаловались из прихода. Они осуждали Драмсоюз за укрывательство и пособничество «так сказать, “работников амвона”, “работников интеллектуального церковного труда”, различных регентов церковных хоров, авторов духовной музыки... и тому подобных представителей клерикального искусства» и возмущались, что «в результате усердной опеки Драмсоюза над духовными авторами — вся эта... клерикальная мразь зарабатывает лучше, нежели наиболее талантливые молодые советские музыкальные деятели». И обличали: «Естественно, деньги... идут на содержание аппарата Драмсоюза, а также и прокормление кое-каких людишек, присосавшихся к этому аппарату»²⁵. Положение Драмсоюза стало двусмысленным. Госорганы публично отмежевывались от Драмсоюза. Но он продолжал успешно собирать деньги, и в его споре с ЦПСами государство, по-прежнему, всегда занимало сторону Драмсоюза.

Однако эта поддержка не была следствием того, что закон стоял на стороне Драмсоюза. На самом деле, здесь присутствовали интересы тех, кто стоял у власти. Именно поэтому Драмсоюз предупреждал своих агентов о «деликатности этого дела» и в служебной переписке всячески увещевал их об осторожности, дабы не придать огласке участие в этом деле представителей власти. А скрывать было что.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 8.

¹⁸ Первое дело было возбуждено в суде г. Москвы.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 33.

²⁰ Сначала агенты Драмсоюза получали 20% от собранной суммы. Но доходы их стали слишком привлекать внимание населения, поэтому ставки пересмотрели. Руководство Драмсоюза инструктировало: «Надо следить за тем, чтобы агенты не получили в результате этой кампании чрезмерного обогащения. В этих целях установить с 1 марта 1930 г. следующую «Скалу»% для агентов: при взыскании до 1000 руб. — 15%; свыше одной тысячи до 3 тыс.: с первой тыс. — 15%, с последующих — 5%, свыше трех тыс. — 3%» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 32).

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 31.

²³ Чудак. № 46. Ноябрь, 1929. С. 10.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

С самого начала не афишировалось, что сбор был не без выгоды для НКП. Более того, согласно хронологии принятия актов НКП сам сбор гонорара ставил в зависимость от своей выгоды. 02.02.1924 г. НКП установил общие ставки авторского гонорара, а 23.10.1924 г. последовало решение НКП о распространении его на церкви, но необходимый закон был принят 30.01.1925 г., лишь после того как 31.12.1924 г. подписано постановление НКП о передаче части гонорара в пользу НКП. Драмсоюзу было предписано вносить в НКП ту часть гонорара с церковью, которая падала на исполнение произведений ряда умерших композиторов²⁶. Официально свое участие в доле НКП объяснял необходимостью культурно-просветительной работы, которую он и собирался развернуть на деньги прихожан.

Деньги, которые собирал Драмсоюз, ставили его в двусмысленное положение и делали объектом советской критики, но отчисления в НКП негласно защищали его «под крышей» советских органов. В этом был отчасти секрет неуязвимости Драмсоюза. Трагическим для Драмсоюза оказалось то, что он попал в поле зрения Союза воинствующих безбожников (СВБ)²⁷ и сразу из тихой заводи оказался в водовороте идеологической борьбы. Казалось, здесь проявилась логика права на содействие власти, антицерковная политика которой делала вмешательство СВБ во все, что связано с Церковью, законным. Но, не будь руководство Драмсоюза жадным до денег, СВБ не заинтересовался бы Драмсоюзом. Возникновению СВБ в своей судьбе Драмсоюз обязан исключительно сбору авторского гонорара с церковью.

С точки зрения идейно-политического императива СВБ с самого начала ведет себя непоследовательно по отношению к Драмсоюзу. По своей миссии СВБ должен был громить Драмсоюз. Положение Церкви в это время было таким плохим, а позиция СВБ, объявившего «безбожную пятилетку», так усилилась, что последнему ничего не стоило прихлопнуть организацию, замеченную в «подкармливании» церковников. Сквозь призму идеологической нормы было «нехорошо, когда Драмсоюз поддерживает и поощряет гонорарами духовное религиозное “искусство”, а, исходя из классового принципа распределения благ, это и несправедливо, «в то время когда деятели “светского” советского искусства часто находятся в тяжелом материальном положении»²⁸. Да тут еще выяснилось, что Драмсоюз подтасовывал данные и присваивал себе значительные суммы²⁹. Но за этим не последовало разгромных решений. Напротив, все были весьма недовольны выплывшими наружу фактами. А Драмсоюз весьма успешно жаловался на журнал «Чудак», и главному редактору (В. Катаеву) пришлось оправдываться. Дело, правда, не дошло до публичных опровержений, как того требовал Драмсоюз, но тема была исчерпана.

Неформальные отношения между СВБ и Драмсоюзом тщательно скрывались. Дело в том, что СВБ стал претендовать на долю от сбора авторского гонорара, не имея на то никакого официального права. Эти претензии не имели под собой даже видимости законности, ее нельзя было имитировать, как делали с НКП. Если НКП оправдывался культурно-просветительской нуждой, то СВБ, нацеленный на антирелигиозную пропаганду, не мог ради этого обирать приходы. Даже по меркам по-советски понятого права это было бы слишком³⁰. Поэтому закон просто проигнорировали, переведя проблему в сферу частных межведомственных отношений под грифом «секретно» и под лозунгом развернутой тогда чистки аппарата. Претензии СВБ были облечены в форму «разоблачения» Драмсоюза, позволявшую «законно» отнимать у него деньги и избегать никому не желательной огласки.

На заданном уровне приоритет СВБ был неоспоримым. Поэтому якобы «побуждаемый культурным подъемом» НКП, дабы «извлечь из дела сбора авторского гонорара возможную и максимально общественную пользу», отказался от своей доли сбора и «признал необходимым передать поступающую к нему сумму гонорара за национализированных авторов Центрсовету СВБ»³¹ и, кроме того, обязался вернуть ему же всю

²⁶ НКП получал за следующих авторов: Ломакин, Сарти, Бахметьев, Кануппи, Иванов, Строкин, Соколов, Кюи, Балакирев, Глинка, Викторов, Соломатин, Аренский, Полуэктов, Львовский, Васильев, Скворцов и др.

²⁷ Союз безбожников, существовавший с 1925 г., ядро которого составляли издатели журнала «Безбожник» во главе с Емельяном Ярославским, в 1929 г. становится «воинствующим» (СВБ) и активизирует свою деятельность, объявив в 1930 г. «безбожную пятилетку».

²⁸ Чудак. № 46. Ноябрь, 1929. С. 10.

²⁹ Заслушав «комиссию по проверке правильности сборов и сдачи отчислений в кассу ЦС СВБ...», «столкнулись с фактом, что Драмсоюз ведет нечестную игру по отношению к НКП и ЦС СВБ...» и «отделяется грошовыми подачками энного% клубным авторам и ЦС СВБ... Драмсоюз обогащается за счет получения колоссальных сумм, собираемых с церковью» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 108–109).

³⁰ Из письма агенту под грифом «Спешное»: «Вопрос о СВБ очень деликатный: Вы должны понимать, что СВБ не всегда удобно афишировать свое участие в деле взыскания гонорара... Нужно много такта... чтобы не исказить общественно-политическую линию Центрсовета СВБ» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 46).

³¹ Там же. Л. 8.

сумму, полученную ранее от Драмсоюза. А деньги это были немалые³². Именно тогда СВБ проводит финансовую проверку Драмсоюза и обнаруживает сокрытие им части денег, получаемых от сбора по церквям, причем пользуется известным подлогом с помощью «мертвых душ». СВБ, не поднимая публичного шума, лукаво возбудил вопрос о передаче права сбора гонорара другой организации.

Напуганное руководство Драмсоюза, пытаясь предотвратить нависшую над ним угрозу лишения права сбора гонорара, предпринимает ряд мер, которые должны были продемонстрировать лояльность. Они проводят чистку своих рядов, извергая из своего состава людей, слишком явно связанных с Церковью³³, ликвидируют церковную секцию и создают секцию «хоровых произведений», разрабатывают специальные критерии «удельного веса автора» при определении доли выплаты³⁴, устанавливают «жесткий лимит максимальной ежемесячной выдачи» (400 руб. в месяц) и, наконец, увеличивают размер доли СВБ (до 30%). Все должно было выглядеть убедительно для СВБ.

Но самым важным было то, что Драмсоюз, сменив «крышу», сменил и средства и формы утверждения своего права на сбор, выбрав наиболее убедительные для СВБ и показав беспринципный характер своих действий. Теперь в Драмсоюзе стали обосновывать сбор не положениями закона, а идеологическими основаниями, заговорив на языке безбожников. Драмсоюз стал убеждать СВБ, что «собираение гонорара является фактически одной из мер антирелигиозной пропаганды», выводя это из того основания, которое больше всего избегал оглашать СВБ. Руководство Драмсоюза убеждало Центрсовет СВБ: поскольку «гонорар этот стоит в прямой зависимости от размера вознаграждения», получаемого причтом от прихода, постольку, «стремясь избавиться от его уплаты, прихожане сокращают расход на самую важную, самую благолепную часть церковного служения»³⁵.

В своем новом кредо Драмсоюз ставил веру людей и существование церквей в прямую зависимость от суммы, в которую им это обходится, и неосознанно раскрывал корыстную природу своих отношений с СВБ, выбалтывая истинные цели последнего. Как видно, руководство Драмсоюза признавало исключительно эффективность денег.

Поэтому, формулируя для СВБ идеологические доводы «законности» сбора, Драмсоюз предусмотрительно увеличивает долю последнего до 30% (разумеется, «на культурные цели»), и сбор, «таким образом, непосредственно способствует борьбе с религиозным дурманом», а затем переходит к прямой сделке, предлагая объединить усилия по сбору денег. «Считаем необходимым и полезным, чтобы работа на местах агентов Драмсоюза по сбору была увязана с работой отделений СВБ»... «в получении информации о доходах церкви» и «в особенности на суде», т. к. «от успеха судопроизводства зависит увеличение средств на антирелигиозную пропаганду» и, следовательно, все оказываются «заинтересованы в успешном их собирании»³⁶. Но Драмсоюз проявил наивность, думая, что может использовать безбожников в своих интересах.

Центрсовет СВБ был возмущен и счел это предложение наглостью, но лишь потому, что в Драмсоюзе «нашего вола бьют и нам хвост дают. Нехорошо!» СВБ фиксировал в своем отчете, что гонорар аппарата Драмсоюза составляет 300–500 руб. в месяц, а гонорар авторов 500–700 руб. в месяц (Ипполитов-Иванов, Никольский, Рютов, Сахновский, Чесноков, Шведов). СВБ не собирался делиться тем, что он считал своим по праву, своей сферой влияния, и вынашивал другие планы. В СВБ сформулировали новое предложение: не платить авторам, а весь гонорар передавать в распоряжение СВБ, из которого 90% оставлять для самого СВБ, а 10% передавать клубным авторам.

Вышеизложенные планы были разрушены с неожиданной стороны. Это произошло в ходе известных событий, когда гонения на христиан в России осудил архиепископ Кентерберийский, который в начале Великого поста организовал в Великобритании моления о страждущей Русской Церкви, на которые из Парижа был приглашен митрополит Евлогий (Георгиевский), а папа Пий XI выступил с призывом о молитве за гонимую Русскую Церковь. Эти акции могли осложнить отношения Советского государства с западными странами, и их нельзя было игнорировать. Именно в этой ситуации и можно было одернуть советских мытарей и фарисеев, используя конструкции понятного им языка давления и торга. Вынудив Заместителя Мес-

³² Так, в 1930 г. планировалось (!) только по Сибири собрать 80 тыс. рублей. Для сравнения приведем цены на 1928 г.: мука ржаная, 1 кг — 11–14 коп.; мясо, 1 кг — 85–90 коп.; молоко, 1 л — 16–30 коп.; яйцо, 1 шт. — 5–7 коп.; ситец, 1 м — 38–41 коп.

³³ Из членов Драмсоюза были исключены около 20 человек (Ермаков Д. Д., Ступницкий М. П., Анихов А. И., Бочкало Н. Я., Ершов А., Андреев А. А., Оболенский А. И., Маркевич К. А., Баньковский Г. М., Ельцов И. Г., Сидельников Г. И., Шуянов, Полянский А. О., Рождественский А. В., Липаев Ф. А. и др.)

³⁴ Теперь «при разделе котловых сумм производится тщательное исследование социальной и художественной физиономии автора».

³⁵ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 73.

³⁶ Там же.

тоблостителя дать два интервью, в которых он отрицал факт гонений на Церковь в СССР³⁷, власть должна была отреагировать на меморандум, который митрополит Сергей передал 19 февраля 1930 г. председателю Комиссии ВЦИК по вопросам культов Смидовичу. Он ходатайствовал об отмене некоторых особенно стеснительных для Церкви мер правительства. Примечательно, что из 21 пункта меморандума пунктом вторым (!) был вопрос о сборе авторского гонорара с церквей:

«2. Сбор авторского гонорара в пользу Драмсоюза необходимо поставить в строго законные рамки. То есть, чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые или национализированы, или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было при богослужении. В частности, чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений и потому церкви не привлекались бы к уплате 5-процентного сбора с треб, совершаемых даже вне храма»³⁸.

Для Смидовича это заявление митрополита Сергея не открывало ничего нового. Уже в январе 1930 г. в секретном распоряжении он фиксировал, что «через посредство специальных агентов Драмсоюза последний обложил ЦПСы специальным сбором под предлогом выплаты авторского гонорара... Такое положение явно противоречит существующему законоположению о налогах и сборах... Закон допускает взыскание за исполнение, но никаким образом не предоставляет повсеместное обложение церковных песнопений при обычном церковном служении. Помимо этого, из закона никак не вытекает обложение деревенских церквей...» Смидович именем Президиума ВЦИК предлагал Драмсоюзу «немедленно прекратить действия, выходящие за рамки закона»³⁹. По получении секретного распоряжения из Драмсоюза была немедленно отправлена рукописная записка председателю ЦС СВБ: «Тов. Смидович, вероятно, не в курсе дела. Прошу Вас перезвонить ему и объяснить, как обстоит дело... Странно, что ВЦИК снова запрашивает объяснение»⁴⁰. Тогда, в январе, Смидовичу, видимо, объяснили, почему сбор надо считать законным. Сбор продолжался. И даже в первой декаде февраля Драмсоюз еще чувствовал себя весьма уверенно, диктуя Священному Синоду («копия в ЦС СВБ») «немедленно отменить» разосланный им «по благочиниям и церквам циркуляр» о том, что ЦПСы «обязаны уплачивать только в том случае, если имеется хор...»⁴¹.

Но после международной огласки ситуации с Церковью в СССР в конце февраля 1930 г. возможности Драмсоюза резко изменились. Безнаказанность ему была уже не по карману, и, кроме того, в корыстной игре фарисеев от советской власти Драмсоюзу изначально была уготована роль козла отпущения.

Правду о сборе авторского гонорара с церквей прихожане так и не узнали, поскольку сбор был прекращен секретной инструкцией 1930 г.⁴², где говорилось, что «не должны допускаться сборы и налоги, не установленные законом, как то: сбор за использование песнопений под видом оплаты авторского гонорара»⁴³, и содержалось требование впредь «мотивированного в каждом отдельном случае» «увеличения обложения молитвенных зданий по сравнению с 1928 и 1929 годами»⁴⁴. Эта инструкция, сама ее секретность — свидетельство вполне осознанного лицемерия со стороны чиновников, которые понимали, что «под видом» сбора авторского гонорара ведется «не установленный законом» «сбор за использование песнопений» и попустительствовали погромщикам Церкви от Драмсоюза, действовавшим «якобы» на законных основаниях.

После интервью Заместителя Местоблостителя и его меморандума Смидовичу зазвучали публичные речи с лозунгами о соблюдении «законности» в отношении Церкви⁴⁵. Но последовавшее за этим ослабление давления на Церковь не было связано с изменением законодательной базы или идеологической риторики. Как и репрессивная политика, так и некоторое смягчение антицерковной политики властей было делом специфической интерпретации закона, который для советской власти был функцией идеологии. И как бы ни были защищены права Церкви законом, исполнение его было всегда нацелено на реализацию антирелигиозной стратегии и антицерковной политики.

Это очевидное лицемерие на государственном уровне задавало образец поведения и на уровне местном, служило примером использования власти в своих интересах, средством получения личной выгоды, где политическая риторика выступала в роли ширмы. Зав. агентурным отделом Драмсоюза выводил правомерность

³⁷ Цытин Владислав, прот. Русская Православная Церковь. 1925–1938. Издание Сретенского монастыря. 1999. С. 211–212.

³⁸ Цытин Владислав, прот. Указ. соч. С. 224–225.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 62.

⁴⁰ Там же. Л. 61.

⁴¹ Там же. Л. 66.

⁴² 20 июля 1930 г. была издана секретная инструкция к Постановлению ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях».

⁴³ Цытин Владислав, прот. Указ. соч. С. 228–230.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Показательны в этом отношении принятое ЦК ВКП (б) 14 марта 1930 г. постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» и статья Сталина «Головокружение от успеха».

своих действий из логики идейно-политического дискурса: «право и закон на вашей стороне» постольку, поскольку «вы делаете важное общественно-политическое дело, обескровливая Церковь, этот серьезный тормоз на пути советского строительства»⁴⁶, и наставлял своих агентов на «планомерное и исчерпывающее собирание авторского гонорара с церковью»⁴⁷, «взыскивание гонорара без всяких поблажек и скидок со свойственной вам энергией со всех долгов причта»⁴⁸. А те делали это с избыточным усердием, что выливалось в грубость и хамство, когда агент мог «являться в церковь во время служб и литургий», «в Страстную седмицу, в пяток, на 6 часе в предел» и «дерзким голосом требовать приходно-расходные книги храма. После чего испрашивал с церкви 5% с валового сбора храма», «требовал авторский гонорар».

Однако это поведение агентов, часто малограмотных, из местной бедноты, совращенных Драмсоюзом возможностью легкого заработка, не идет ни в какое сравнение по силе удара с изощренным замыслом сокрушения Церкви «руками» самих верующих, на реализацию которого готовы были люди во власти, не забывая ради денег, что бьют и унижают собственное население. Власть, ограниченная шорами своих идеологических доктрин, не замечала, что становилась заложницей корыстных интересов чиновников, советских мытарей и фарисеев, которые делали «нечистоплотные приемы» «нормальным» средством ее осуществления.

В 1930 г. все махинации с законом списали на Драмсоюз, дни которого были сочтены уже годом ранее по независимой от дела с гонорарами причине «советизации» творческих союзов. Чиновники предстали разоблачителями «драмсоюзских заправил». Власть продемонстрировала защиту прав верующих. В убытке остались только верующие. Никто не поставил вопрос о возвращении денег или хотя бы об извинении перед приходами за незаконный сбор авторского гонорара с церковью.

Т. А. Старостина

(к. и., доц., Московская государственная консерватория, ПСТГУ)

К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНЫХ ОСНОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ

Русское музыкознание — наука сравнительно молодая. Вплоть до 20-х гг. XX в. профессии «музыковед» не существовало. Начиная со второй половины XIX в. теория музыки развивалась благодаря литературно одаренным композиторам, которые, как правило, были одновременно также педагогами, исполнителями и часто критиками (таковы были, в частности, Чайковский и Римский-Корсаков). Большинство композиционных научных работ создавалось с практическими целями и имело вид учебных пособий — по гармонии, инструментовке и другим дисциплинам. Иногда в таких трудах поднимались вопросы общехудожественного характера, но духовных проблем они не касались. История музыки как профилирующая дисциплина оформилась лишь в начале 20-х гг. XX в. в условиях определенного социального заказа. К тому же она изначально была ориентирована на западноевропейскую науку, представленную достижениями Института истории музыки, открывшегося в Вене в конце XIX в.

Духовная ветвь русского музыкознания развивалась как бы «на периферии» магистрального процесса — в трудах по знаменному распеву и, частично, по музыкальному фольклору. Однако в силу исторических причин эти направления сами вынужденно «мутировали».

Правильнее всего было бы сказать, что отечественная музыкальная наука не имеет давних духовных традиций. Однако в 20-х гг. в Московской консерватории некоторое время читал курс эстетики А. Ф. Лосев (до своего ареста в 1929 г.). Его философия и стала тем основанием, на котором спустя почти 50 лет возникла новая философско-музыкальная концепция Ю. Н. Холопова — небесспорная, но весьма важная с духовной точки зрения.

Проблема духовных основ чего бы то ни было всегда сложна и объемна. Поэтому представляется целесообразным остановиться на трех работах, отражающих наиболее заметные тенденции в умонастроениях современных музыкальных ученых.

Ю. Н. Холопов всю жизнь считал себя продолжателем дела Лосева, хотя формально его учеником не был. Центральной категорией для обоих ученых было *число*, лежащее в основании музыкальной гармонии.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 398. Л. 97.

⁴⁷ Там же. Л. 147.

⁴⁸ Там же. Л. 150.